Про Чурилу (4)

В Новом городе было: Как не во пору пороха выпадала, Как не во пору да не во времё — Середь лета было, о Петрово дни. По той по порохе снегу белого Не бел горносталь да шол-проскакивал — Да шол-прошол да добрый молодец, Да молод Чурило да сын Плёнкович: Да пяты шилом, носки были востры, Да по́д пету́ — хоть воробей лети, Кругом носка хоть еицо кати! Да шубоцька на ём — семьсот рублей, На шубы подтяжка позолочена, Да ожерелье у шубы — чёрна соболя: Не того-де соболя сибирьского, Не сибирьско соболя — заморского; (Это с Камчатки!) Да пуговки у его были — вальячныя: Того ли вальяку краснозолоту; (Это дорогое золото.) Да петелки-то были — шолковы: Да того-де шолку, шолку белого, Да белого шолку шамахильского. Да шол-то он да ко чужу двору, Ко чужу двору ко Перемётыну. Перемёту дома не лучилоси, Свет Васильевица не погодилосе: Уехал он да ле во чисто поле Да бить гусей да белых лебедей, Да серых маленьких утицей. Бежал-то он да ле на красно крыльцо, Стучит-бречит он да за злато кольцо, Дерьгал ремёшок да семишолковый. Выходит ле Настасья да дочь Викулишна, Сама говорит она да ле таково слово:

«Да кто ю ворот стоит, толкаитце, Стучит-гремит да во злато кольцё, Де́рьгат ремёшок семишолковой?» — «Да я ле, Настасья дочь Викулишьна, Да я у ворот етом толкаюсе, Тебя ли, Настасья, дожидаюся!» Открывала она тут да новы ворота, Брала Чурилу за белы́ руки, Вела его, Чурилу, да по новым сеням, Да по новым сеням да в нову горницю. Да розделса Чурила чуть не донага, Да розулса Чурила ведь добоса, Да шубоцьку он — на грядоцьку, Да шапку, рука́вки — на лавоцку, Сапожки, чулочки — под кроватоцку. Кормила она его вить ноньце досыта, Поила она ноньце допьена, Ложилса Чурила ведь с чужой женой, С чужой женой да с чужой мужьей же. Приходит тут девоцка-служаноцка, Сама говорит да таково слово: «Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович: Живешь ты нонь не по-дорожному — Живешь ты нонь да по-домашному! Розделса ты ведь чуть не донага, Розулса ты уж ноньце ведь добоса, Спишь-лежишь да со чужой женой, С чужой женой да с чужой мужьей же — Скажу Перемёту я Васильевичу!» Говорит Чурило да таково слово: «Гой еси ты, девушка-чернавушка! Не сказывай, девушка-чернавушка: Куплю я тебе в косу лентоцку, Которая лента сто́ит сто рублей!» — «Не надо мне твоя лентоцка, Котора стоит хошь и сто рублей — Скажу Перемёт я Васильевичу!» — «Не сказывай, девушка-служаноцка: Куплю сарафан тебе на золоти,

Которой стоит восемьсот рублей!» — «Не надо сарафан мне твой на золоти, Которой стоит хоть и семьсот рублей — Скажу я Перемёт я Васильевичу!» — «Не сказывай, девушка-служаноцка: Куплю тебе шубку камчатную, Котора стоит деветьсот рублей!» — «Не надо мне-ка твоя шубоцька, Котора стоит деветьсот рублей — Скажу Перемёт я Васильевичу!» Выходила она тут на красно крыльце, Смотрела она во чисто полё: Да едет детина из чиста поля, Да конь под ним — да аки лютый зверь, На кони молодец — да как ясён сокол. Приворачиват да ко тому двору, Ко тому крыльцю ко Перемётыну. Снимат-то он свой пухов колпак: «Да здравствуй ты, девушка-служаноцка, Спасибо тебе, — хоть меня встретила! Да где же у меня нонь молода жена, Почему она меня не встретила? Пировать ушла ле, столовать ли ушла, Ле невремя како случилосе?..» Говорит тут девушка-служаноцка: «Не пировать ушла, не столовать ушла, И невремя никако не случилосе — Богатство к твоей жены привезалосе: Прибежал ведь конь из чиста поля, Заскочил ведь конь да во зеленый сад, Примял-то ведь травоньку шелковую, Да припил питья да всё медяныи!..» На то Перемёт-то он догадлив был: Соскакивал да со добра коня, Привезал коня да к золоту кольцю, Бежал-то он на красно крыльце, На красно крыльце, по новым сеням, На красно крыльце — да прямо в горницу! Перемёт-от по горенке похаживат,

В пол копьём да подпираетце —

Сабелька да изгибаетце,

Из кольца в кольцо да извиваетце.

Еснешенько везде высматриват,

Увидел он: ведь уж на грядоцки,

На грядоцки да виснет шубоцка.

«Это што у тя, поштё, это што у тя, наштё?»

Говорит тут Настасья дочь Викулишна:

«Ой е́си, Перемёт сын Васильевич!

Вечор я ходила во торговищо,

Купила тебе я кунью шубоцку,

Котора стоит ведь семьсот рублей.

На лю́дях вижу — на тебе, суда́рь, люблю!..»

Перемёт-от по горенке похаживат,

Сабелькой в пол подпираетце —

Да сабелька изгибаитце,

Из кольца в кольцо извиваетце.

Ясне́шенько везде высматриват,

Увидел он: уж на лавоцки,

На лавоцки да лежит шапоцька,

Да шапка лежит, да уж с рукавками.

«Это што у тебя, поштё, и это што у тебя, наштё?»

Говорит Настасья дочь Викулишна:

«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,

Вечор я ходила во торговищо,

Купила я тебе ведь шапоцьку

Шапку купила ведь да и с рукавками,

На людях вижу — на тебе, сударь, люблю!»

Перемёт-то по горенке похаживат,

Сабелькой в пол подпираетце —

Да сабелька изгибаетце,

Из кольца в кольцо извиваетце.

Яснешенько везде высматриват,

Увидел он: да под кроватоцкой лежат да сапожецки,

Сапожки лежат да со чулоцками.

«Это што у тебя, поштё, и это што у тебя, наштё?» —

«Ой, Перемёт-от сын Васильевич,

Вечор я ходила во торговищо,

Купила я тебе уж сапожецки,

Сапожки купила и с цулоцками, На людях вижу — на тебе, сударь, люблю!» Перемёт-от по горенке похаживат, Сабелькой в пол подпираетце — Да сабелька изгибаетце, Из кольца в кольцо извиваетце. Яснешенько везде высматриват, — Увидел он: ведь на кроватоцке, На кроватоцке да лёжит молодец. Ставал-то Чурило с кроватоцки, Да падал ему он во резвы ноги: «Да здраствуй ты, брателко названой мой!» Говорит Перемёт-от таково слово: «Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович, Да ране тебе ведь я уж сказывал, Доселе, знать, я тебя уговаривал, Што не знайся ведь, Чурило, с моей женой — Доведёт жена ведь до погибели!..» Не ясен сокол как крылом махнул, Махнул крылом да крылом правым же — Ма́хнул Перемёт да саблей вострою По той по шее по Чуриловой (Голову отсек.) Говорит тут Настасья дочь Викулишна: «Где белу лебедю лежать, Тут и белой лебёдушке!» Говорит Перемёт таково́ слово: «Да я вашей заповеди не рушаю!» Не ясен сокол да как крылом махнул, Махнул крылом да крылом правым же — Махнул Перемет да саблей вострою По той по шее по Настасьиной. (Он тут служанку взамуж взял за верность.)

(Зап. А. М. Астаховой 30 июня 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.